

ТРУДЫ
ТОМСКОГО
ОБЛАСТНОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Том XV

Материалы межрегиональной научно-практической конференции
«Шагиловские чтения - 2007»

(16-18 мая 2007 г.)

Э.Л. Львова, И.В. Нам

Томск

«Письма Агаты».

История репрессий глазами их жертвы

О, память сердца...

Ф. Тютчев

*История не должна создаваться
только специалистами
и только для специалистов.
Ее следует писать и изучать так,
чтобы в этом участвовало возможно
больше граждан,
чтобы ее могли понимать все...
Ибо одни пребывают во тьме,
а другие – на свету,
и те, кто на свету, видны всем.
И никто не видит тех, кто внизу.*

Ф. Ульрих

Есть свидетельства истории, научные комментарии к которым кажутся излишними. Они не столько требуют обсуждения, сколько создают ситуацию сопереживания и очень личного, эмоционально окрашенного включения в историческое прошлое своей страны. С семьей Матис мы познакомились во время одной из этнографических практик студентов исторического факультета ТГУ среди немцев г. Томска. Одна из участниц практики, Елена Сластинина получила от Екатерины Яковлевны Матис памятные записки ее бабушки, Агаты Генриховны Матис, в форме писем сыновьям – Якову, Ивану и Давиду. А.Я. Матис (род. в 1893 г.) происходит из меннонитской семьи, история которой в России восходит ко второй половине XVIII столетия. Личная история ее и ее семьи вписана во все важнейшие социальные, драматические и трагические события XX в. Повествование доведено до начала 1960 гг. Две мировые войны, гражданская война, раскулачивание, насильственные депортации – все нашло отражение в этом рукописном варианте нарративной истории. Поражает не только блестящая память рассказчицы, сохранившая мельчайшие этнографические детали жизни и быта современников, но и в особенности – замечательная литературная одаренность и способность глубокого проникновения в происходящее. Агата была истинно верующим

человеком, и библейские заповеди, на которые она часто ссылается в своих письмах, были не только Словом, но и Делом ее собственной жизни. Этот религиозный и этический опыт она всеми силами души стремилась передать в письмах своим детям и внукам.

Мы приводим только несколько отрывков из многостраничного жизнеописания, относящихся к самым тяжелым эпизодам жизни Агагы и ее семьи¹. Почти все меннонитские семьи были многодетными и зажиточными. Последнее обстоятельство заведомо обрекало их на то, что они, одними из первых, стали объектом государственного насилия.

Д. Орловка (Омская область). 1928-1929 гг. «Раскулачивание»

«... Летом 1928 г. впервые мы услышали слово «ссылка». Что это слово обозначало, мы даже не имели слабого представления. У нас пока было всё тихо. С Украины отправили несколько семей на Аетрахань. Что дело могло дойти и до нас, никто, наверное, и не ожидал, даже не думал.

В 1929 г. кольцо, в котором мы находились, стало всё более замыкаться. Все наши старания оправдать перед правительством заданные его требования, были бесполезны. Какое-то напряжение в народе стало заметно. Мне ещё по сей час удивительно и не понятно... Люди чего-то ожидали, сами не зная чего. Пришёл август месяц 1929 г. Откуда что взялось – никому не известно, но вдруг прошёл слух, как будто будет массовое убийство, вроде вторая Варфоломеевская ночь. Помню, под вечер зашёл ваш отец, и тихим тревожным голосом мне заявил, чтобы я вас всех на ночь одевала и обувала. Ожидается что-то, а чего – неизвестно, и никто не знает, с какой стороны грозит опасность. Вас уложила спать одетыми, сама стала у открытого окна и прислушивалась. Ваш отец и другие все мужчины дежурили на улице. А что они стали бы делать в случае несчастья? Они же все были небооруженными. ... Мы, конечно, уже стали замечать, даже нам стали открыто говорить, что считают нас за врагов. Но оказалось после, что и те спрятались, которые нас считали врагами. Кто из них искал защиту в лесу, кто в картофельной ботве. Удивительно ещё, что это же самое произошло в других местностях – Барнауле и т.д. Только не могу сказать точно, в одно время или нет.

Господь дал – эту опасность миновали. Стали убирать урожай, а тут опять поднялась тревога. Люди стали собираться уезжать. Были и русские в том числе, но мало, а что наши немцы, где бы они ни были – Омск, Барнаул, Павлодар, Петропавловск, Самара, вся Екатеринославская, Таврическая и Херсонская губернии, словом, вся Украина и на Амуре, где только жили наши, поднялась на ноги...

---

¹ Авторский стиль сохранен. Купюры обозначены отточием.

Чтоб, видно, не всё из рук выпустить, начали «раскулачивать» хозяйства, которые покрупнее. Нас с дядей Давидом Ивановичем обработали в один день. Сперва было то, что называется «опись». Дело шло, конечно, всё формально. Требования по оплате денег и хлеба не выполнялись по обстоятельствам невозможности. Сроки давались суточные, а когда и трёхсуточные, и хотя бы и ждали бы больше, платить стало нечем. По окончании указанного срока, если кто не уплатил, то умножались требования в три раза. Тут, конечно, лишь долги выросли в невозможное, и мы остались должниками на весь век.

«Описывать» к нам пришли трое. К нашему стыду сказать, из нашей среды нашёлся один человек такой продавец, который, спасая свою шкуру, не пощадил других. Но и в нашу честь можно сказать, что только один такой нашёлся. Он был третий в комиссии, которая производила опись. Он – наш сосед и бывший друг вашего отца. Подготовиться к этому нам не осталось времени, и то ещё попытались хоть маленькую часть унести с их глаз. Выручал сад с густо разросшимися вишнями. Два больших окорока бросили в летнюю печь под яблонями, но их нашли, и сколько возни после было из-за них. И акты составили, и милиция выезжала, а окорока, так как не попали в опись, были съедены в сельсовете всей этой же компанией и их друзьями...

Вскорости тут слышно стало об арестах. Были арестованы дядя Абрам, дядя Гергард, ваш двоюродный брат Пётр Лангеманн. И многие другие. Нас ждала эта же участь, только не известно когда. Папа стал снова припасать немного хлеба для семьи ... Недели через две после ареста дяди Абрама, в половине ноября были арестованы ваш папа, дядя Давид и брат ваш двоюродный Яков Варкентин... . Этот день для всех нас будет памятен до конца жизни. Не только для тех, которые уже были в своём разуме, но и для тех, которые ещё не поняли, в чём дело.

Кто из нас – вы, отец или я, больше страдал, трудно сказать, но думаю, отец. Кроме нужды, кроме разлуки, под которой все страдали и душой и телом, ещё лишился свободы. Как человек чувствует, если за ним закроются ворота тюрьмы?... После того уже прошло двадцать три года. Конечно же, не всё время настроение или чувства у человека одни и те же, но тюрьму, однако, редко кто любит. Как вы думаете – мне было грустно и больно на душе, когда я стояла и смотрела отцу вслед?! Когда его арестовали и посадили, мы всё же надеялись на справедливость, но её не оказалось¹. Были люди, которые спасались бегством, но мы не решились на это. Большинство из них всё равно попались, только что несколько позже...».

---

¹ Яков Иванович Матис был расстрелян в 1937 г. в Благовещенске.

В Анжерке (Кемеровская область). 1930-1931 гг. Арест и тюрьма

«... Не забыть мне, наверное, наше прибытие на станцию Анжерку¹. Ночь, но уже к утру. Помещение станции переполнено. То ли народ туда, то ли оттуда – не знаю. Все чёрные, грязные, валялись на цементном полу. На стенах, сиденьях, окнах – везде отпечаток близких угольных шахт. Молоко, взятое ещё из дому ребёнку, кончилось. В грудях у меня ничего не было, и маленькая девочка стала плакать. Оставить ребёнка с Яшей и идти за молоком – было опасно, он мог бы уснуть, и ребёнка задавили бы в народе. Я подняла чемодан, поставила его на край и подняла маленькую кроватку на него, этим убирая её хоть из-под ног. В надежде найти где немного молока (в станции не было ни столовой, ни буфета) я вышла на улицу, но было ещё рано, людей нигде кругом не видеть. Тогда вернулась и обошла всех людей в станции с просьбой, если есть у кого, уделить мне для маленького ребёнка хоть немного молока. Но всё просила даром. Молока ни у кого не было. Положение стало безвыходным. Вдруг подошел ко мне старый дедушка татарин и предлагает молока. В другом случае я бы не согласилась дать ребёнку полуокислые остатки молока из закопчённого чайника из чёрной жести, а теперь была очень благодарна. Ребёнок жадно выпил это молоко и успокоился² ...

... Я лишилась свободы в 1931 г. В марте в последние дни мы с Яшей шли на базар. В обед, как вернулись на квартиру, хозяйка мне говорила, что приходил за мною милиционер и когда меня не нашел, мне велел явиться к ним и захватить свои документы. Пережитое в последние годы, и то, что каждый день вокруг себя видела, дали мне понять, что не ждёт меня ничего хорошего. Я прибирала кое-чего (хранились у меня ещё невыполненные бланки и т.д.) Показала Яше места, где я их положила, и ему велела всё уничтожить, если я больше не вернусь варить ужин, и мне принести. Он был ещё совсем ребёнок 11-ти лет, но он хорошо понял, что малейшая ошибка с его стороны может погубить отца, а также и мать. На него можно было совершенно положиться. Я попрощалась с детьми и ушла. После короткого допроса – кто я и откуда, я была отведена в камеру. Признаюсь, когда защёлкнули двери за мною, колени мои затряслись. Порядком ничего не могла обдумать. Волновала меня одна мысль – мои бедные, незащитные дети! Одни на чужой квартире!...

Новое место жительства – новые соседи. Так и здесь. Познакомились, даже подружились. Сперва я не могла сообразить, кого садят – не вор, не убийца. Матерей отрывали от детей. Оказался не мой один такой случай, потом

¹ А.Г. Матис тайно поехала с детьми в Анжерку к мужу, где он в это время работал в шахтах.

² Через несколько дней восьмимесячная девочка умерла.

далее – более стало выясняться, что собирают таких людей, которые приехали сюда в рабочий район из деревень и которые, видно, были назначены на высылку. Яша мне каждый день носил обед. Тюремный паёк был триста (300) грамм хлеба и утром и вечером вешали на ручку дверей ведро тёплой воды, да выдавались ещё на каждого заключенного по три копейки «суточные»... .

Когда Яша пришёл в следующий раз на свиданку, я ему велела детей чисто одевать и привести ко мне. У меня уже план был готовый – детей оставлять у себя. Испытаю: что будет – то будет. На квартире их оставлять было не с кем. Яша всегда был в дороге – то ко мне, то к отцу, ещё себе и детям варить. Не знаю, как он всё успевал. Когда время свиданки пришло, завели моих детей. Немного поговорили, время осталось мало, надо действовать. Яшу отправили обратно, а малышей завели в камеру. Сердце забилось, но пока все благополучно. Никто ничего не заметил, т.е. из дежурных, а «эти-то» не выдают. Пришёл час проверки. Тут попало мне не мало. Но я решила стоять на своём. Требование дежурного детей отправить домой, я кротко отказала... Я себя не считала за смелую, но когда он подошёл ближе, чтоб детей взять, да выпроводить (на улице в это время стало темнеть), я захватила одной рукой Ваню, другой – Давида и притеснила их спиной к стенке. Куда только, моя трусливость и боязливость девались? Была готова накинуться на него. Нас открыто бить здесь, видно, закону такого не было. По добру ничего не вышло, и криком не мог своё взять. Ушёл. Наверное, начальству доложил про вновь прибывших. Через несколько время пришёл снова, но больше ничего не сказал. На другой день я получила 900 (девятьсот) грамм хлеба и девять копеек «суточных». Видимо, их «усыновили» и причислили в нашу семью заключённых. Не одна я была довольна этим, но и дети. Особенно Давид. Дома всё как-то дела не до них не было. То мать на работе, то к отцу по выходным пойдёт, а теперь время хватило для них. Еду нам носили. Яша ежедневно носил, и часто ещё сестра Генералова. Продукты были ещё свои.

Народ в тюрьме всё время прибавлялся. Камеры все были переполнены. Мне с ребятами ложиться было негде. Мы поместились на ночь под нарами. Крысы и тут бегали вокруг нас. Грязь. Пьяных, если их ночью на улице подберут, толкают к нам. Не хочу, чтоб ихняя блевотина подтекала под меня, приходится убирать. Забыла я, сколько я или мы там пробыли, прежде чем узнали, что нас хотят отправить. Но куда – не говорили. Прошли комиссию по здоровью. День отправки стал ближе. Водили нас в баню. Ведь у них служба тоже не легкая. Нас было много. Баня не близко. Думал, наверное, с нами справиться один. Ну, он и получился. Из бани вышли, был сильный буран. Он выстроил нас, скомандовал, ну, и люди пошли. Пошли они так быстро, что я с детьми не успевала, и никак не могла идти с ними рядом. Отстала далеко. Передних уже не видать, дети падают, а бедный дежурный бегом, то

вперед их хочет остановить, то вернётся ко мне, меня подгоняет. Я стараюсь, сколько силы есть, идти вперёд. Наконец дошли. Все целы. А, поди, у него тоже горе есть. Он ведь отвечает за своих, ему доверивших... .

Бедный отец! Как он мучился, когда услышал про мой арест. Телеграмму отбивал домой, чтобы кто выезжал на помощь семье, заявление подавал куда-то насчёт меня. Но что он мог сделать? Я представляю его себе, как птицу в клетке, так он бился. Знаю, какое чувство бессилия нас обдаёт, если видишь, как кто страдает, особенно, кто из близких, и ничего не можешь делать. Он нам через Яшу ещё посоветовал чего брать в дорогу и, что меня тогда удивило, помянул соль. Это мне совершенно непонятно было – зачем? Позже уже, в Нарыме, когда месяцами ели несолёное или малосолёное, я вспомнила его слова...»

В ссылке на севере Томской области. 1931 г.

«...Что значит новая дорога в тайге, вы знаете теперь уже без того, что расскажу вам. Вырезаны только стоячие деревья и, может быть, отброшен какой-нибудь валежник, а что пни, наверное, все целы. Разве, что вперёд прошедшие подводы их маленько, если которые гнили, обторкали. Притом она была до того узкая, что рядом с подводой нельзя было идти. Деревянные оси то и дело задевали пни и деревья, стоящие по бокам. Изгибаясь и перескакивая с кочки на пень и с пня на кочку, я стремилась держаться рядом. Высоко на телеге сидели мои два маленьких дитя, за которых боялась, что они могут упасть! Тут же стояла чья-то открытая квашонка с тестом. Видно, хозяйка не успела постряпать. Помню, как нам жалко было оставить нашу картошку, которую посадили. Она из шкурок взошла и росла хорошо. Люди, которые посадили обрезки, выкапывали их и пытались варить, но они были как стеклянные и не уваривались. Перебрасывали нас недалеко – немного не доезжая деревни Осиновки. Эта деревня состояла всего из 7-8 дворов. Кучер наш остановил коня, велел нам слазить и мы опять «приехали». Уже зная, что за нас никто думать и делать не будет, мы с Яшей обставили ветками упавшую берёзу, у которой толстый конец лёг на пень, и нам, таким образом, служил за матку. Корона на другом конце тоже ей не давала прилечь на землю.

Ещё в 29, в 30 году и так дальше, часто было слышно: «классовая борьба», но я «борьбы» нигде не видала. Видала я только одностороннее угнетение. Может, кто и скажет: «А вас за что сослали? Разве вы не угнетали бедных?» Нельзя сказать, что таких нелепых случаев не было. Было. Но, в общем, бедный был вольным. Не понравится ему у меня, он уйдёт к другому, а если моей прислуге очень плохо бы жилось у меня, то она бы мне сюда ещё не присылала денег. Я ведь не просила у неё, я даже не знала, где она находится, и теперь через 23 года её дочь – Марита Энгельс, которой тогда было всего

8 месяцев, мне стала писать письма. Наверное, мать ей не говорила про угнетение с нашей стороны. А что отец ваш со своим тихим характером? Ни разу не слышала, чтобы он имел громкий разговор с рабочими, наоборот, он относился по-дружески с ними. И когда я в 40-м году отсюда ездила домой, первый, кто меня встречал у бабушки (ещё от своих никого не было), это был рабочий Ганс Гильденберг, сын старой батрачки Доры, который вырос около нашего дома. Когда нас вывезли из дому, ему было лет пятнадцать, значит, был в таком возрасте, что мог бы запомнить обиду, причинённую ему или его матери. Но, ребята, я вам это рассказываю не ради хвастовства, а просто порядковым образом, а стригли всех под один номер «догола». Ещё часто встречалось в газетах выражение: «стереть с лица земли». Эти слова тоже были направлены в наш адрес. Ну и тёрли!...

Били нагайками, садили в «холодную», не давали хлеба, грозили всячески, и если отделаешься одним грубым руганьем, то кажется, что всё обошлось хорошо. Нервы до того были напряжены, что если услышу, что едет начальство, то сердце так забьётся, что приходилось ложиться. Многие не выдержали. Улеглись под сырую землю. Сначала, как обычно, поставили всем кресты, ну, а после запретили их ставить. Сильно уж заметно выросло число могил. Я выше, хотя и писала, что не видала борьбу, но здесь что-то случилось, что почти можно так назвать. Наверное, где-то рядом были люди, которые не были довольны, что их держали, и думали... (Вообще-то, я ничего не знаю, чего они думали, и писать про это ничего не возьмусь, кроме того, что я видала, и то, обычно, очень мало). Вот что я видала: было трое вооружённых мужчин, которые проскакали мимо нас по дороге, и одна женщина после их пробежала по дороге и кричала, что нашего коменданта посадили в амбар. Теперь добавлю ещё, что слышала. На третий день из Новосибирска прибыл карательный отряд. Собирали или назначили собрание. После собрания поставили мужчин ссыльных в ряд, и каждого десятого расстреляли. Тут попал и винный и невинный. Одной женщине-роженице, которая лежала в больнице, принесли картуз убитого мужа. Многих кругом нас арестовали. Отряд до нас не доезжал. Он остановился километрах в трёх от нас. Может быть, кто из ссыльных и знал про это дело, т.е. про этот бунт, который называли восстанием. Но если и знали, то это были отдельные люди, но что касается меня и тех знакомых, которых я всех знаю, мы ничего про это не знали...

Стали назначать на полевые работы. Корчевали, косили. Я ходила на корчёвку. Кто работал, тому прибавили пайку. Паёк этот был до того скудный, что пришлось добавлять всякие травы. Домашние продукты давно все кончились. В первое время, когда были переброшены на Бундюр, мы с Яшей продавались в ишаки. Сами есть хотим, а маленьким детям чего-нибудь надо добыть. За горсточку сухарей и чайную чашку крупы навьючивали на

себя багаж и шажками его несли несколько километров до другого участка. Если я теперь про это думаю, то мне себя нисколько не жалко. Хотя я и тогда страдала и выбивалась из сил, но я была мать; моя обязанность это была, и я же была взрослая. Но если я теперь смотрю на Якова и вспоминаю всё, что было, мне становится жалко его до слёз. Материнскому сердцу делается очень больно, ведь он ещё молодой человек, а весь больной. Так же Ваня, и Давид. Ваше детство и юность были суровые, тяжёлые, горькие, и они все влились в ваше тело и кости. Но люди испытали ещё и не это. Родители беспомощно смотрели, как морально губят их детей. Не одна мать оплакивала детство своей дочери-красавицы – только что расцветающей розы. Коменданты их немало перебирали в «прислуги». Весь народ боялся их, и никто не осмеливался противиться...

На наше счастье, лето не было дождливое. Мы находились в густом молодом осиннике. Оттуда, наверное, и название участка – Осиновка. Маленькая речушка протекала мимо. Сюда ходили мы по воду. Небольшой цыганский котелок из чёрной жести был нашей почти единственной посудой. Его набирали полный трав (снитки, лебеду, крапиву и всякое прочее, если есть), добавляли ложки две ржаной муки и этим питались. Если пойду по воду, опять же с этим котелком, то черпаю так осторожно, чтобы, (если одна капелька муки ещё где, может, по краям осталась), её не терять. Ели мы всегда малосольно. Соли получали мало, так что делили её чайной ложкой при получке. Её считали за роскошь, и давала я каждому из вас после еды по маленькому кусочку пососать.

Под балаганом «Берёза» мы находились некоторое время, а потом нас стали посылать дальше, недалеко – метров 300-500. Но мы все до того устали, что никто не шевелился с места. Говорили раз, второй, потом грозили зажечь балаганы. Ожидать от них можно было всего. Люди стали помаленьку перебираться. Я тоже вытаскивала, что было, из-под берёзы, но никуда уже в тот день не ходила, и ночь эту спали под открытым небом. На новом месте Яша, а мне больше пришлось добывать еду, снова построил балаган. (Или это уже была хижина?) Из жердей, конечно, без мха. Дыры были такие, что чуть голову не просунешь, их затыкали ветками, и зашли. Ночи стали холодные. Вечером разводили костёр у подножья постели и грелись. Сперва было голодно, потом стал голод, а что дальше к осени – всё хуже стало. За моими уже не так стали глядеть, и мы стали ходить по деревням. Откуда я могла доставать деньги? Не знаю. Вспомню! У умершего дедушки, там ещё, на Бундоре, нашла пятёрку. Пошли чего-нибудь добывать съестного – один молодой мужчина да я. Первую деревеньку – восемь дворов, обошли, но ничего не нашли. До следующей деревни километров 30 по дороге, можно тропинкой идти, тогда – 12 километров. Мы решились на последнее. Дедушка

тамошний, знакомый с законами тайги, повёл нас через огород до того места, где заходить в тайгу. Показал нам старые, чуть заметные загёсы на деревьях и стал нас учить, чтоб не ходить по другим, хоть и торным тропам. Потому, что это – медвежьи следы, и чтоб часто кричали. Они (медведи) этого шуму боятся и уходят дальше в глушь....

Многие стали ходить по миру. Да, нашла масса бедных на эти редкие, маленькие и самые небогатые деревушки. Чего там найти? Просить для меня труднее было, чем многим другим. Мне всё крепче пришлось к Господу обращаться. Часто он исполнял мою просьбу очевидно. Раз я зашла в один двор и услышала, как женщина попросила у хозяйки зелёные капустные листья. При мысли об этих листьях вдруг во мне такое желание явилось поесть, как будто это желание недели и месяцы всё копилось на этот момент, так что я не знала, как перебороть его. Хозяйка пошла в огород, чтобы прошенный лист принести, а я просила Господа Бога, чтоб он ей дал на ум и мне, хоть немного, принести. Господь не отказал в моей просьбе. Она пришла и разделила листья между нами. С глубокой благодарностью я вышла. По улице есть я не хотела – неудобно, до дому с балаганом мне показалось не стерпеть, и я встала за дверями и ела ...».